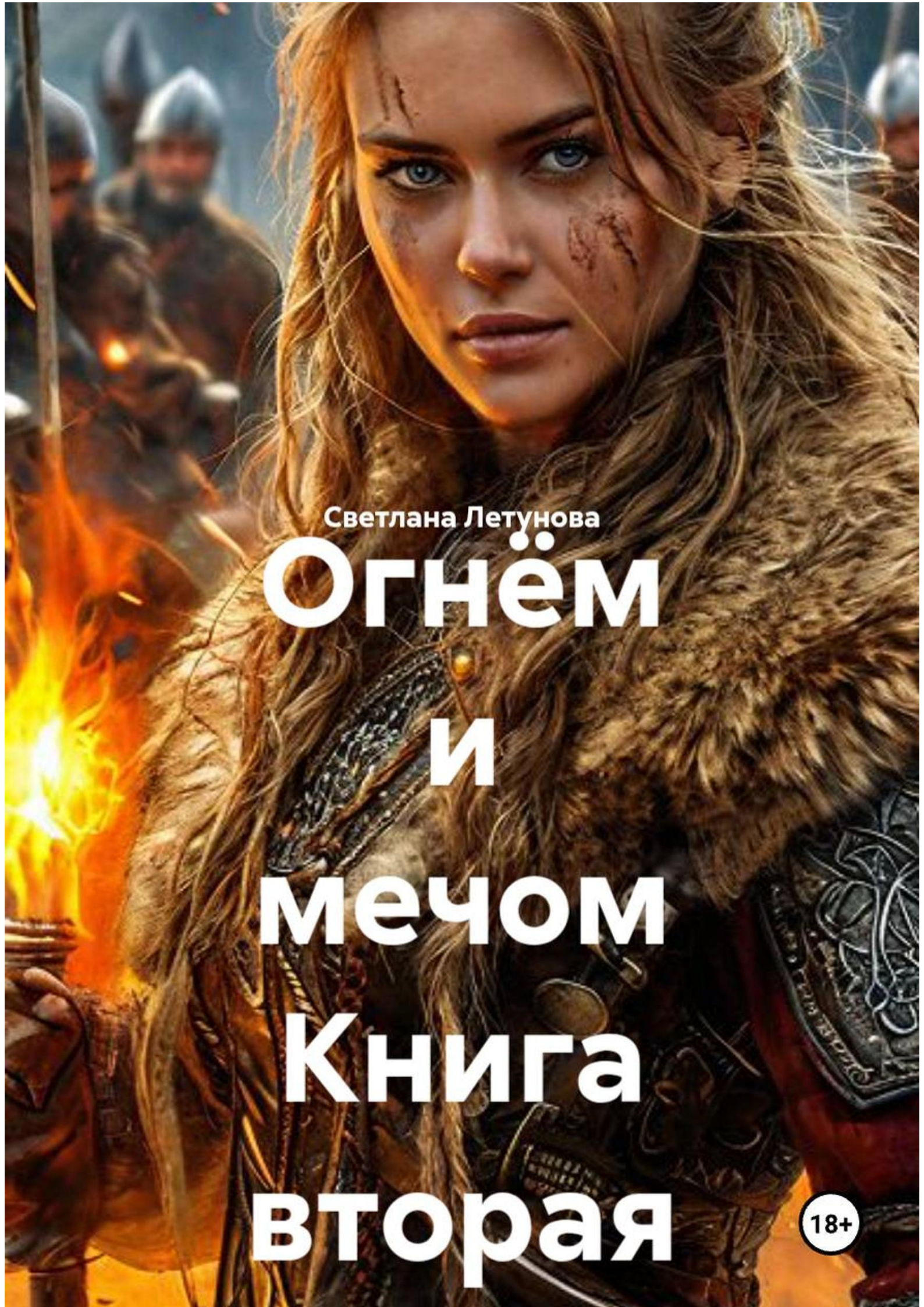

Светлана Летунова

Огнём

и

мечом

Книга

вторая

18+

Светлана Летунова

Огнём и мечом Книга вторая

«Автор»

2026

Летунова С.

Огнём и мечом Книга вторая / С. Летунова — «Автор», 2026

Продолжение дилогии "Огнём и мечом". В основе повествования Русь 9-10 вв, взаимоотношения с соседями: викингами и кочевниками, Византией. В центре сюжета - молодая девушка-воин Бранка, её непростая судьба, непреодолимая жажда военных приключений и любовные переживания в отношениях с молодым викингом и давно любящим её соплеменником. Напряженная борьба за жизнь, любовь и свободу отражена в судьбе героини.

© Летунова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8

Светлана Летунова

Огнём и мечом Книга вторая

Глава 1

Глава первая

Плотная молочная завеса тумана окутала всё вокруг. Вязкой, холодной волной укрывая то, что ещё накануне - яркой, звёздной ночью - было вполне ощутимым, теперь казалось зловещим, пугающим своими очертаниями, наваждением. Туман поднимался с поверхности большого водоёма, пополняемого ручьями, бившими из скальных пород, стлался по низинам, окутывал голые скалы и придавал причудливые очертания погруженному в сон небольшому поселению. Низкие, округлые жилища, сложенные из грубых, неотесанных камней, покрытых жухлой прошлогодней соломой, в беспорядке разбросанные по всему селению, теперь тонули в предутреннем мареве и напоминали гигантские грибы в сказочном лесу. Потухшие костровища под очагами выбрасывали пригоршню пепла при каждом лёгком дуновении ветерка. И только огромная, устрашающая голова дракона с застывшей разинутой пастью, венчавшая нос драккара - корабля викингов, скрытого в молочной дымке, зловеще возвышалась из тумана, довершая причудливую картину.

Свен невольно залюбовался непривычным видом давно знакомого места. Зябко поводя широкими плечами, укрытыми только грубой холщовой рубахой, он вытянул руки вперёд перед собой и усмехнулся, не найдя кончиков пальцев в тумане. До восхода солнца было ещё далеко. Утомлённые вечерним разгулом соплеменники, досматривали свои тяжёлые хмельные сны. Молодой викинг потрянул головой. Он не жаловал хмельного зелья, с неохотой участвуя в пирушках своих сотоварищей. Однако, давно установившийся ритуал после удачной вылазки против западных соседей, соблюдался всеми участниками похода и не принять возлияния могли лишь те, кто ушёл к предкам в Вальхаллу.

Руки коснулся мокрый, холодный нос пса Глума, подкравшегося невидимым в густом тумане. Это был уже немолодой, лохматый, с седыми проплешинами, пёс - верный спутник во всех походах. Глум особенно был привязан к Свену, от которого поутру не так несло перегаром, как от остальной людской братии. Вот и теперь он умным взглядом оглядел юношу, и довольно лизнул потрепанную его за ушами, руку. Свен скинул рубаху, призывно свистнул псу и отправился на берег. Зайдя в воду по колено, он плеснул себе в лицо прохладной речной водой, затем широкими пригоршнями облил себе грудь и спину. Заблестевшие капли воды стекали по выпуклым мышцам крепкого тела, принося желанную прохладу и свежесть. Свен высоко запрокинул голову и поймал первый ленивый лучик солнца, пробившийся сквозь туман. Над головой нависла разверзнутая пасть дракона, она угрожающе смотрела своим остановившимся взглядом на молодого викинга, который хитро подмигнул и похлопал по бокам драккара, очертания которого постепенно выплывали из пелены оседающего тумана. Глум привычно и незлобно рыкнул на драконью голову и уселся на берегу, терпеливо ожидая хозяина.

Освежившись и стряхнув остатки хмельного угара, Свен ленивой трусцой пробежался вместе с Глумом от берега до ближнего жилища и, выхватив за рукоять воткнутой в землю кем-то из его товарищей длинный меч, ловко взметнул им, рассекая воздух со свистом, подкинул его и поймал, несколько раз пройдясь рубящими движениями по бокам себя и за спиной. Его руки, ощутившие привычную тяжесть меча, действовали будто сами собой, давно освоившие нелёгкую военную науку. Свен уже не мог быть теперь ни рыбаком, ни земледельцем. Даже его отстранённость, мягкая задумчивость, что порой овладевали им, не могли изменить его судьбу - быть воином.

Невольно вспомнился отец, обучавший Свена вместе с братом, с ранних лет владеть мечом. Седобородый, хромой Янсон сурово обходился с сыновьями, заставляя биться друг с другом, невзирая на порезы и уколы. Младшему Свену крепко доставалось и от отца, и от брата: на груди и плечах остались мелкие рубцы от заживших порезов. Но зато теперь он владел мечом не хуже бывалого воина и не раз доказывал это в походах и набегах на племена русичей, болгар или западных соседей. Вот и сейчас плечи и руки ещё поламывало от недавнего успешного похода на запад, на франков, принесших им богатейшие дары, в надежде откупиться от грозных варваров. Но не тут-то было: взяв дары, викинги не изменили своей тактике и перебили всех послов, стремительно напав и разрушив прибрежные города и селения франков. Не дожидаясь открытого сражения с подходившим, наспех собранным войском противника, они быстро погрузились на свои драккары - корабли и отплыли восвояси, оставляя позади стоны и проклятия, и залитые кровью улицы богатых франкских городов.

Теперь припасов и награбленного добра им хватит на всю холодную зиму и голодную обычно весну. Скучная, гористая земля викингов рождала мало хлеба, холодный сырой климат не располагал к занятию земледелием и вынуждал промышлять ловлей рыбы и грабежом. Не часто совершали короткие набеги на восточных соседей - болгар и русичей, предпочитая с ними вести меновую торговлю, приобретая у них хлеб и оружие, сбывая им в свою очередь, западную рухлядь: тонкие ткани, благовония, украшения, а ещё рабов из захваченных пленников. Свену довелось бывать в таком походе сразу после смерти отца, старого Янсона. Совсем юным, он пристально вглядывался во всё, что его окружало в чужой земле. Он заметил, что русы во многом похожи на викингов: высокорослые, сильные люди, многие были светловолосые и голубоглазые. Дружелюбно относясь к гостям, они были воинственны и держали оружие наготове против врагов.

Всё остальное в их жизни сильно отличалось от порядков викингов. Русы строили небольшие, но прочные дома из брёвен, обрабатывали землю, выращивая на ней всё, что спасало их от голода. Будучи далеки от моря, они имели мало кораблей и не занимались грабежом, но совершали конные и пешие походы против своих многочисленных врагов. А ещё ходят слухи, что русы задумали долгий и дальний поход против греков на Царьград и давно к нему готовятся.

Свен перебросил тяжёлый меч из одной руки в другую и задумчиво посмотрел вдаль. Ему бы тоже хотелось оказаться в таком походе, взглянуть на то, как живут люди в далёкой южной стране, очень богатой, по слухам и платящей дань русичам. Старый Янсон в былые времена ходил с русами в поход на греков, в составе наёмного варяжского войска. Он порассказывал много всяких былей и небылиц о той стране и её людях, заронив в душе Свена пытливого желание самому всё увидеть и разузнать. Но пока об этом приходилось только мечтать. Викинги не совершали самостоятельных походов на Константинополь (Царьград): слишком далеко, долго и затратно. Передвигаться на кораблях по большим рекам и степной равнине крайне неудобно. То ли дело, по морям, где быстроходные драккары могли быстро и внезапно нападать на незащищенные западные королевства, грабить и безнаказанно уходить. Однако, как же это наскучило молодому, пытливому юноше. Хотелось сразиться в честном бою, с достойным, сильным противником, а не расправляться с беззащитными людьми.

Солнце лениво и робко всходило на горизонте, озаряя нежно-розовым светом спящий посёлок. Туман почти рассеялся, оставляя кое-где в низинах рваные, бесформенные клочки. Предутренний холодок постепенно сменялся медленным, робким теплом. На разгоряченном теле молодого викинга проступили капельки пота, но он всё увереннее и быстрее играл с мечом, подгоняемый своими мыслями, не замечая просыпающейся вокруг него жизни.

-

О, Свен, много бы я отдала, чтобы ты обращался со мной, как сейчас с этим мечом! Ты такой сильный.

С порога каменной хибары на него смотрела жена его брата, Эльга, и плотоядно улыбалась. Свен опустил меч и воткнул его в землю, исподлобья взглянув на женщину. На его молчание она ответила новой атакой:

-

Что ты умеешь-то, кроме того, чтобы махать мечом? Ещё не одной девы не взял, хотя многие исходят по тебе, оглянись!

Свен отвернулся от неё и стал искать сброшенную им рубаху. Женщина нервно прикусила губу и с гневом посмотрела в спину парню. Глаза её сузились, в них мелькнул мстительно-адский огонь. Она нарочито, с напускным весельем рассмеялась, запрокинула голову, рассыпав по плечам густые рыжевато-каштановые волосы:

-

А может, ты только об одной тоскуешь? - Её голос перешёл на томные нотки, - Так ты скажи! Я же видела, как ты потупился, когда мы уединились с Харальдом. Меня хватит на вас обоих...

С этими словами Эльга приблизилась к парню, не отрывая от него безумных глаз и обнажила грудь. Свен от неожиданности выронил из рук рубаху и поспешно отвёл взгляд.

-

Эльга, ты опять за своё! - рявкнул позади неё гос брата, - отойди от него!

Харальд в одних посконных штанах стоял с гневным взглядом и сжатыми кулаками. Увидев обнажившуюся Эльгу, он коротким замахом ударил её в лицо. На скуле задело пятно. Быстро спрятав обе груди в вырез рубахи, жена Харальда не долго думая, отвесила ему пару тумачков, попав по лицу и в плечо. Грязно выругавшись на жену, Харальд привычным движением схватил её за волосы и пригнул. Женщина отчаянно завизжала, извиваясь в его руках. Свен досадливо поморщился и отошёл. Это или что-то подобное случалось всякий раз, как только дружина викингов возвращалась из походов. После бурных хмельных празднеств, нередко случались потасовки, когда вернувшийся воин находил свою женщину в чужом доме, или же сам привозил очередную жену себе из похода, пренебрегая прежней.

Харальд и Эльга были вместе четыре года, оба были неверны друг другу, бурно расставались и так же бурно сходились обратно. Никому до их мытарств не было дела, разве что старый Янсон ворчал на сноху за её непотребство, бывало корил сына, что не прогонит её совсем, да не возьмёт себе другую жену. Харальд всё откладывал, уходил в поход, а по возвращении всё повторялось снова. После смерти Янсона, следить за Эльгой стало некому и она уже не скрывала своих походов в отлучке мужа. Хуже всего было её пристрастное внимание к брату мужа - Свену.

Молодой, широкоплечий и мускулистый юноша давно привлекал её внимание. Тёмно-русые волосы непослушными прядями спадали ему на лоб, редкая бородка обрамляла лицо, на котором особенно выделялись серые, часто задумчивые глаза. Ему шёл двадцатый год и Свен уже давно считался взрослым, самостоятельным мужчиной, воином. Но не обзаведясь пока собственным домом и своей семьёй, он жил в доме брата и постоянно попадал в нелепые ситуации, которые ему устраивала коварная Эльга, пытаясь склонить к симпатии. Харальд то злился, видя это, то нервно смеялся и подшучивал над обоими. Вот и теперь, оттащив жену в дом, брат вышел, потирая тыльную сторону ладони, и в отчаянии пробормотал, что им вскоре придётся делить ложе втроём.

Свен оторопело уставился на брата, с силой кинул скомканную рубаху и зашагал прочь.

Глава 2

Глава вторая

Утренний холодок пробирался между лопатками, змеился по спине и заставлял чуть подрагивать кончики пальцев. Налетающий ветер рывком подбрасывал спутанные, раскиданные по плечам волосы, забрасывая их на лицо и возвращая обратно. Бранка рывком откинула голову назад, перехватила волосы на голове тонкой бечёвкой, зябко повела плечами и плотнее запахла овчинную безрукавку, отороченную лисьим мехом. Присев на невысоком взгорке, покрытом росистой травой, она обхватила колени руками и стала ждать восхода солнца.

Где-то вдалеке, за кромкой леса, слышались несмелые, едва слышные птичьи голоса. На верхушках деревьев заблестели золотые искорки, и вот уже первый проблеск зари окрасил горизонт нежно-розовым цветом. Бранка так любила эти предрассветные часы, когда можно заврожённо смотреть на медленно поднимающееся за верхушками деревьев, солнце. Девушка вскочила на ноги, и поклонившись Яриле, одними губами прошептала что-то только ей, да солнечному божеству ведомое.

После того, как отец отнял у неё коня, она не могла как раньше в эту раннюю пору, ошалело скакать по степи, презрев все запреты и страхи, повинувшись лишь вольному ветру и неуголимому ощущению свободы. Девушка тяжело и с сожалением вздохнула, вспомнив это.

Обладая независимым нравом, Бранка ни на что не променяла бы это чувство полной свободы, когда вопреки суровым взглядам отца и упрекам мачехи, она неслась верхом на своём верном Горлике, рассекая ковыльную степь вдоль и поперёк, упрямая восход солнца и наслаждаясь бьющим в лицо вольным ветром. Она знала, что и её любимец - четырёхгодовалый жеребец, привыкший к их утренним прогулкам и упоительному чувству свободы, сейчас так же, как и она рвётся на волю, нетерпеливо перебирая копытами и обрывая поводья. Не подпуская к себе никого, кроме Бранки, Горлик издавал в загоне душераздирающее, тревожное ржание и стук копыт о дощатые загородки, пытаясь выбраться на свободу. Бранке приходилось зажимать уши и уходить подальше от двора, чтобы не слышать страданий своего друга.

Отец был неумолим. Он и раньше грозил дочери, что отнимет коня, если она не бросит своей привычки наведываться в степь, где опасность подстерегает на каждом шагу от набегов кочевников до встречи с дикими животными. Но, обходя отцовские угрозы и недовольные взгляды мачехи, девушка не могла изменить своим привычкам и упрямому характеру.

Дочь воеводы одного из укрепленных, южных, приграничных городищ русичей, Бранка росла без матери, в окружении сильных, воинственных мужчин племени - воинов дружины её отца. Горислав не ограждал дочь от пристрастия к военным играм, в которых обучались военному делу молодые дружинники и отроки. Она рано научилась владеть оружием, хорошо стреляла из лука, пробовала сражаться на мечах и даже биться на кулаках, а уж скакать верхом она могла как опытный наездник. Но как только Бранка стала превращаться в девушку, отец озабочился поиском достойного ей жениха и запретил бывать в лагере дружинников. Однако, это мало помогло. Впитавшая с малолетства боевой дух, гордая, с независимым характером девушка, с трудом принимала язвительные наставления мачехи и, управляясь со скотом и по дому, быстрее норовила улизнуть к своему любимому коню или пострелять дичи в недалёком лиственном лесу. Оружие и верховая езда ей вполне заменяли все тихие девичьи занятия, которые в её племени были присущи всем девам и жёнам. Бранку же влекли военные состязания, звон оружия, свист стрел, оглушающая скачка. Чувство страха, казалось, ей совсем не знакомо и могло лишь раздражить её неумную натуру. Не раз уже она оказывалась на волосок от смертельной опасности: и будучи застигнутой отрядом кочевников на ранней прогулке

в степи, и тогда, находясь в плену у собственного брата Нечая, волей судьбы ставшего вождём одного из кочевых племён, после первого её настоящего военного похода.

Бранка тряхнула головой, отгоняя тяжёлые воспоминания. Большие серые, цвета пасмурного неба глаза её, заволокло пеленой, две скупые слезинки скатились по щеке. Нечай!.. Её брат - её боль, которую она вот уже год носит в себе. Вместе с Яромиром, освободившим её из плена, они дали слово не говорить отцу о том, что его старший сын жив и стал их заклятым врагом, уйдя к кочевникам. Это обещание тяжким грузом лежит на сердце, давит раскаянием и чувством вины перед отцом. Но что бы сделал Горислав, узнав об этой вести? Проклял бы сына или пожалел, или порадовался за то, что жив, а не мёртв, как все считали в племени? И что лучше - знать, что Нечай жив, но стал врагом, или оплакивать его как героя? А может быть эта весть вовсе убила бы Горислава. Бранка с усилием потёрла виски, прогоняя головную боль. Ей становилось всё труднее скрывать от отца правду о Нечае. Она не могла не думать о нём каждый день, мысленно убеждать его покаяться и вернуться в родное племя. Вспомнились родные, серо-голубые, со стальным отливом, глаза брата, весёлые искорки в них, когда он рад был внезапной встрече с ней. И горящие гневом и беспощадной решимостью, когда Яромир с горсткой воинов внезапно напали на стан кочевников, освобождая Бранку из плена.

Яромир... Как ему теперь тоже тяжело приходится справляться с обрушившейся на него правдой о воскресшем бывшем друге. Ему, может быть, ещё труднее, ведь они с Нечаем дружили с детства и росли как братья. Бранка так до сих пор и считает Яромира названным братом... или нет? Она опустила голову, по лицу девушки разлился румянец. После того, как он, рискуя жизнью, освободил её из плена, Бранка стала по-другому смотреть на Яромира. Она вдруг увидела в нём не просто друга и брата, а молодого, сильного мужчину и, если верить Нечаю, относящегося к ней не только как к сестре. Яромир был высок, немного тяжеловат в движениях, но строен и ловок. Сказывались годы упорных, ещё с детства, военных занятий и многочисленных походов. Лицо с рублеными, немного резкими чертами, прямым носом, острыми скулами и живыми тёмно-карими глазами, обрамляли смоляные, выющиеся волосы и курчавая бородка. Мать его, болгарка, выкормила в далёком детстве Яромира и Нечая вместе, так они и росли как братья. Бранка стыдливо опустила глаза. И почему она раньше не замечала, как по-особенному Яромир смотрит на неё своими жгучими глазами, как хрипнет от волнения его голос, обращаясь к ней? Ничего не замечала... А ведь он не только красив, но и смел, и доказал это не раз, отважившись взять её в большой поход, против воли отца, и потом, вызволяя её из плена.

Вспомнились слова Яромира, когда он вместе с братом обучал её обращаться с мечом: "Сила не в том, чтобы держать меч, а в том, чтобы уметь его отложить, когда это нужно". Эти слова, казавшиеся тогда лишь наставлением, теперь приобрели иной смысл. Может, ей нужно не обороняться от новых чувств, а раскрыться им, позволить Яромиру открыть своё сердце и отпустить на волю томившие его желания. Но как это возможно, ведь он ей как брат, он возился с ней несмыслённой, обучал её, терпел капризы и знает о ней всё!

В его глазах, в его словах, в его самой сути она видела не только спасителя, но и человека, к которому могло возникнуть нечто большее. И это "большее", сколь бы пугающим оно ни было, пробуждало в ней отклик, но порождало смятение. Она уже встретила свою восемнадцатую весну, но ещё не придавала значения ни намёкам, ни взглядам молодых отроков, которые ловила на себе, а то и гневно спроваживала непрошенных ухажёров. Её занимали другие мысли и чувства, она жаждала настоящего, ратного дела, как будто для этого только и была рождена. А её любовь к свободе и риску не оставляли возможности размениваться ни на какие другие чувства.

Золотистая дымка рассвета медленно рассеивалась. Воздух был напоен запахом свежескошенной травы и прохладой утренней дымки, но сердце девушки трепетало иным, неизве-

данным чувством. Мысли её, возвращались к Яромиру, к тому, кто вырвал её из цепких лап кочевников, вернув к жизни, к свободе.

Он был для неё как брат, как верный соратник. В его глазах всегда читались преданность и сила, в его наставлениях — мудрость воина. Бранка доверяла ему безраздельно, как доверяют одноплемяннику, как доверяют своей тени. Но плен изменил всё. В тишине вражеских юрт, в отчаянии одиночества, услышанные от брата Нечая слова открыли ей глаза на истинные чувства Яромира.

Это стало для неё громом среди ясного неба. Яромир, её друг, её брат, смотрел на неё иначе. Взгляд его, раньше полный товарищеской заботы, теперь таил нежность, трепет, страстное желание. Осознание этого перевернуло мир Бранки.

Теперь, глядя на него, она видела не просто брата, но мужчину, чья душа стремилась к ней.

Сердце снова бешено забилося. Противоречивые чувства захлестнули её. Бранка ценила свободу превыше всего. Свобода была воздухом, которым она дышала, смыслом её существования. Мысль о том, что эта свобода может быть ограничена чувствами другого человека, вызывала в ней глубокое смятение. Как принять эту новую реальность, не потеряв себя, сохранив свою независимость?

Рассвет набирал силу, заливая мир золотом. Бранка будто снова окунулась в ту пору, когда в душе поселилась буря, вызванная признанием Яромира.

Тогда, год назад, едва оправившись от плена, полной грудью вдыхая воздух свободы и находясь снова в родном племени, Бранка всё больше приходила в смятение от раздражавших её сомнений. В плену она привыкла чутко спать, ожидая опасности отовсюду. Теперь же она вскакивала в холодном поту по ночам и что-то громко, бессвязно выкрикивала. Отец обеспокоенно гладил её по голове как в детстве и успокаивал. Недовольная мачеха с малым сыном Демидкой перебиралась на сеновал, где когда-то любила коротать ночи сама Бранка.

И сегодня ночью она снова металась, в кошмарном бреду, спасаясь от жестокого племени. Ей снился Нечай, каждую ночь, и сегодня! Он неотрывно следовал за ней, смеялся и звал в горящую, дымную избу - этот её ночной кошмар, который не отпускал Бранку вот уже несколько лет. Это его голос она слышала всё время во сне, теперь Бранка это точно знала. “Зачем он всё время напоминает о себе, почему не отпустит? Может стоит рассказать о нём отцу? Но и я, и Яромир дали обещание Нечая, что о нём никто больше не узнает.” Для всего племени старший сын воеводы погиб в плену у кочевников и воскресать не должен! Как же это тяжело: нести в себе эту ношу и никому не поведать, что её брат жив! Но как признаться, что Нечай стал предателем? Бранка всё более терялась в своих раздумьях. Нет, она больше не в силах оставаться один на один с этими мыслями. Как же Яромир справляется с тайной о Нечее? Ему ведь тоже с этим нелегко. Он каждый день видит отца его и должен молчать о том, что рвётся из груди и немеет на языке. А ведь у него есть и ещё одна тайна, о которой поведал ей в плену брат. Девушка в нерешительности остановилась и прикусила уголок нижней губы. Она должна спросить у Яромира, прав ли был Нечай, сказав ей о чувствах названного брата. Упредив Яромира о том, что будет ждать его в сумерках в священной роще, Бранка отправилась туда заранее.

Вечерний туман стелился по низине, скрывая следы и приглушая звуки. Бранка стояла у старого дуба, сжимая в руке кожаный шнурок от амулета — того самого, что когда-то повязал ей на запястье Яромир, после возвращения из плена. Сердце чаще забилося. Она слышала его шаги задолго до того, как он появился из-за кустов орешника. Яромир шёл легко, но в каждом его движении чувствовалась сдерживаемая сила. Глаза его горели в сумерках. На нём была чистая рубаха, волосы перехвачены ремешком. Он видел её силуэт и не замечал, как напряжены её плечи.

-

Бранка! Ты позвала меня сюда, зачем? - голос Яромира, такой знакомый, был теперь тихий и тревожный.

Он шагнул ближе, протянул руку, но Бранка отступила на полшага.

-

Стой, - выдохнула она, - Яромир... брат мой. Я помню, как ты учил меня держать меч. Как вытирал мои слёзы, когда я упала с коня. Как мы делили хлеб у костра. Я думала, что знаю тебя. А теперь... я не знаю, как смотреть тебе в глаза.

Бранка нервно затеребила кончик амулета, голос её дрогнул, но она нашла в себе силы прямо взглянуть на Яромира.

-

Это правда, что сказал мне Нечай в плену, что... что я для тебя не только как сестра?

Яромир замер, рука безвольно опустилась. Он стиснул зубы и опустил голову. Сердце гулко забилося.

-

Ты всегда смотрела на меня как на брата - сказал он с усилием, - А если мне мало быть твоим братом? Если каждую ночь, что ты была в плену, я проклинал себя за то, что не уберёг тебя, и мечтал только об одном - только бы ты была жива, чтобы как прежде видеть твои глаза, твою улыбку. Если я хочу сжимать тебя в объятиях не как сестру? Бранка... Бранка!..

Яромир с силой притянул к себе девушку и губами коснулся её волос. Руки его подрагивали, дыхание сбилось.

Бранка побледнела, уткнувшись в его плечо. Гнев и смущение боролись в ней. Она уперлась руками в его широкую грудь и попыталась отстраниться.

-

Ты не смеешь! Ты клялся быть мне опорой, а теперь... ты хочешь сделать меня своей клеткой? Я воин! Моя жизнь - это ветер в гриве коня, звон клинков, запах травы. А не сеновал и возня с младенцами. Почему ты рушишь всё, что было между нами?

В голосе её слышались слёзы, которые она яростно сдержала. Яромир смотрел на неё, и в его взгляде смешались боль и решимость.

-

Бранка, - тихо сказал он, отступая назад, - Я знаю, что свобода для тебя значит. Ты хочешь свободы? Иди. Сражайся. Мчись, куда глаза глядят. Но знай: куда бы ты ни пошла, я буду рядом. Я не требую от тебя ответа. Я прошу лишь позволить мне любить тебя так, как я умею — молча и до конца. Если ты захочешь, я готов просить твоего отца отдать тебя за меня. А если ты решишь уйти навсегда... я приму это.

Бранка стояла неподвижно, глядя на него снизу вверх. Ветер играл её распущенными волосами, выбившимися из косы. В груди бушевала буря - гнев, благодарность, страх и что-то ещё, чего она не могла назвать.

Яромир медленно взял её руки в свои и заглянул в глаза. Он стоял так близко, что она чувствовала жар его тела, слышала его прерывистое дыхание.

- Я не хочу терять тебя, - тихо сказала Бранка, и впервые в её голосе прозвучала не сталь, а растерянность. - Ты был моей тенью, моим братом, моей опорой. Если всё изменится... Я не переживу потери друга.

-

Я всегда буду рядом, чтобы ты не решила, - мягко сказал Яромир.

Бранка молчала. Пальцы её дрожали, но она не отнимала руки. Она смотрела на его мозолистые пальцы, переплетённые с её собственными, и вспоминала, как эти же руки когда-то учили её натягивать лук, как вытаскивали её из ледяной воды, как гладили по голове после ночных кошмаров.

-

Я не умею быть нежной, - глухо произнесла она. - Я не умею ждать у окна и тосковать. Я умею только скакать вперёд и хочу рубить врагов.

Бранка шагнула вперёд и, сама не зная зачем, коснулась ладонью его щеки. Колкая щетина царапнула пальцы. Она смотрела на него долго, а потом, словно приняв решение, опустила руку и сжала его ладонь.

Воспоминания от той встречи с Яромиром снова заставили сердце гулко и тревожно забиться. С тех пор, как он освободил её из плена и она узнала о его чувствах, что-то изменилось. Всё не могло оставаться как прежде. И хотя, Яромир не настаивал, не требовал от неё ответных чувств, она сама терзалась сомнениями и какими-то новыми, неведомыми ранее ощущениями. Он смутил её, заставляя снова и снова думать о его признании, о его давней, молчаливой любви, принимаемой ею за простую привязанность. Бранка разрывалась от переполнявших её сомнений: она любила Яромира - да, конечно, но как брата, была благодарна ему за отчаянную смелость, с какой он вызволял её из плена. Но стоило ей вспомнить о его сильном объятии, горячем, сбивчивом дыхании, как на неё накатывала удушливая волна, становилось трудно дышать и сердце учащённо билось. Порой, она спешила быстро пройти при встрече с Яромиром, избегая столкнуться с его долгим, проникновенным взглядом. В эти минуты Бранка злилась на себя, на Яромира; ничто раньше не мешало бы ей при встрече повиснуть у него на шее и потребовать, чтобы он покружил её вокруг себя, пока она заливисто смеётся, запрокинув голову назад. Что же теперь? Может, она просто выросла из этой своей полудетской дружбы с ним?.. Где-то вдалеке заржал конь Бранки, выводя девушку из оцепенения и она улыбнулась, услышав этот зов свободы.

В городище, расположенном на высоком холме над рекой, царила напряжённая суэта. Готовился дальний поход на Византию, на сам Царьград - богатый и неприступный город, который манил русских князей и воевод своей роскошью и военной славой. На широком плацу, утоптанном до твёрдости камня, шли воинские состязания. Воевода Горислав хмуро наблюдал за обучением дружины. Он был ещё довольно крепок и вынослив и собирался возглавить долгий, опасный поход на Царьград. Переживания за дочь, находящуюся в плену у кочевников, добавили седины в его голове и бороде, глубокая складка прорезала лоб и залегла между бровями. Неподальёку отдавал приказание сотник Яромир - молодой, но уже опытный воин, которого уважали за ум и отвагу. Впрочем, сотником он был поставлен снова, в преддверии похода. Разгневанный на него воевода, узнав о том, что его Бранка была в походе тайно, по сговору с Яромиром и попала в плен, пригрозил ему смертью. А после освобождения дочери, сделал Яромира из сотника простым дружинником. Крепко ему досталось тогда за то, что пошёл против воли Горислава, взяв в отряд Бранку. Почти год опытный воин, бывший сотник, правая рука воеводы, чистил конюшни, точил оружие, состязался не с равными себе по силе, а с небученными ещё отроками.

Теперь, накануне большого похода, воевода вернул Яромиру прежний отряд в сотню воинов и его звание. Именно Яромир руководил сегодняшними упражнениями: воины рубились на мечах, кололи копьями соломенные чучела, соревновались в стрельбе из лука. Пот градом катился по спинам, но никто не жаловался - каждый понимал, что впереди долгая и опасная дорога. Внезапно Яромир увидел среди сражающихся Бранку, дочь воеводы. Её обычно распущенные волосы были заплетены в тугую косу. Всего некоторое время назад Яромир вызволил её из плена кочевников, где она провела почти месяц. Однако пережитое не сломило её дух, а лишь разожгло в ней жажду мести и желание доказать, что она не уступает мужчинам. Она решительно направлялась к отцу.

-

Я пойду с вами, - твёрдо сказала она отцу, подходя ближе. - Я умею обращаться с оружием не хуже любого дружинника.

Горислав нахмурился ещё сильнее. Он понимал упрямство дочери, но не мог позволить ей рисковать жизнью. Поход на Царьград - это не набег на степняков. Там ждут стены, греческий огонь, выученные легионы. Он уже потерял двух сыновей в прошлом походе, и потерять дочь не мог.

-

Нет, - отрезал воевода. - Ты останешься здесь. Это не женское дело.

Бранка вспыхнула, но промолчала, лишь крепче сжала рукоять меча. Она не собиралась сдаваться. Яромир, который всё это время стоял неподалёку, подошёл к ней, когда отец отвернулся и отошёл отдавать распоряжения старшим дружинникам. Вокруг кипела работа: кузнецы правили мечи, плотники конопатили ладьи, женщины сушили сухари и вялили мясо в дорогу. Никто не обращал внимания на разговор сотника и воеводской дочери.

-

Ты зря затеяла этот спор, - негромко сказал Яромир, беря Бранку за локоть и отводя её в сторону, к частоколу. - Отец прав. Поход тяжёлый, и ты это знаешь.

Бранка выдернула руку, но не резко. Она смотрела куда-то вдаль, на реку, где уже покачивались на воде готовые к отплытию ладьи.

-

Я знаю только то, что больше не хочу сидеть взаперти, - ответила она глухо, - Ты не понимаешь. Ты мужчина, ты волен идти, куда хочешь. А я... меня заперли в тереме после плена.

Он помнил, как после освобождения из плена, она только сказала: «Я знала, что ты придёшь». И в тот момент он понял, что любит её не просто как дочь своего воеводы, а как равную, как ту, с кем готов делить и радость, и беду.

-

Я не говорю, что ты слаба, - мягко сказал он. - Я говорю, что поход — это не место для тебя. Но не потому, что ты женщина. А потому, что я не хочу снова потерять тебя.

Бранка повернулась к нему, и в её глазах блеснули слёзы, которые она тут же смахнула рукой.

-

А если я не хочу терять тебя? Если я хочу быть рядом, а не ждать у окна, гадая, вернёшься ли ты? - голос её дрогнул. - Я не буду помехой. Я умею стрелять из лука не хуже твоих молодцов. И я не боюсь крови.

Яромир молчал. Он знал, что она права - она действительно была обучена военному делу с детства, Горислав сам учил её владеть мечом и копьём, хоть и не всерьёз, как забаву. Но то, чему он учил её в детстве, теперь стало её единственным утешением.

- Хорошо, - наконец сказал Яромир, принимая решение. - Я поговорю с твоим отцом. Но ты должна пообещать

-

- ...ты будешь слушаться меня во всём, - закончил Яромир, глядя Бранке прямо в глаза. - И если я скажу бежать - ты побежишь. Если скажу спрятаться - спрячешься. Не ради себя, а ради тех, кто будет рядом. В походе нет места гордости, есть только жизнь и смерть.

Бранка кивнула, но в её взгляде мелькнула тень упрямства, знакомого каждому, кто знал её с детства.

-

Я согласна, — коротко ответила она.

Яромир ещё мгновение помедлил, словно проверяя, не передумает ли она, а затем развернулся и направился к воеводе. Горислав стоял у дальнего конца берега, возле ладей, и о чём-то спорил с корабельным мастером. Увидев приближающегося сотника, он отпустил мастера и вопросительно поднял бровь.

-

Говори, Яромир. Что стряслось?

-

Воевода, - начал Яромир, стараясь говорить ровно и спокойно, - я прошу тебя позволить Бранке идти с нами.

Горислав на мгновение замер, а затем его лицо окаменело.

-

Ты понимаешь, о чём просишь? - голос его прозвучал глухо, без обычной резкости. - Она моя единственная дочь. Я уже потерял Нечая и Шумилу. Ты хочешь, чтобы я потерял и её?

-

Я хочу, чтобы она была под моей защитой, - твёрдо ответил Яромир. - Если мы оставим её здесь, кто поручится, что кочевники не вернутся? Или что какой-нибудь лихой человек не позарится на воеводскую дочь в отсутствие отца? В походе она будет рядом со мной, и я отвечаю за неё головой.

Горислав долго молчал, глядя на реку. Вода несла свои волны мимо ладей, мимо крепости, мимо всей этой суеты, равнодушная к человеческим заботам.

-

Как я могу доверить тебе дочь, ведь однажды ты уже взял её в поход и чуть не погубил? - спросил воевода, не оборачиваясь.

Яромир ожидал такого прямого вопроса и ответил сразу:

-

Это будет мне предостережением. Бранка для меня больше, чем сестра, воевода, я ручаюсь за неё.

-

Тогда береги её, — тихо сказал Горислав. - Если с ней что-то случится, я не прощу тебя. И себя не прощу. Но я вижу, что она не сдастся. Упрямая, вся в меня, - Он горько усмехнулся. - Пусть идёт. Но помни, Яромир: ты за неё ответчик передо мной и перед богами.

Яромир поклонился, не опуская глаз.

-

Спасибо, воевода. Не подведу.

Горислав махнул рукой, давая понять, что разговор окончен, и отвернулся к ладьям, скрестив руки на груди. Сотник вернулся к Бранке, которая нетерпеливо переминалась с ноги на ногу у частокола; её лицо озарилось, едва она увидела его шаг.